

Рассказы: часть 4 ночь в Сирии

Ночь в Сирии пахнет пылью и железом. Воздух тёплый, но сухой, будто его обожгли. Мы устроились в полуразрушенном доме на окраине посёлка. Стены местами пробиты пулями, окна — пустые проёмы, в которых гуляет горячий ветер.

Двое уже спят, прямо на полу, подстелив бронезилеты вместо подушки. Один тихо посапывает, другой лежит неподвижно, будто и не дышит — так легче отдыхать, когда знаешь, что в любой момент могут разбудить.

Я на крыше. Дежурство. Подо мной тянутся тёмные улицы, местами подсвеченные жёлтым светом фонарей. Слева слышен далёкий лай собак, справа — глухой стук, будто кто-то медленно закрывает железную дверь.

Через прицел я вижу пустоту, но не верю ей. Здесь слишком тихо. Слишком спокойно.

Внизу, у входа, наш стрелок дежурит вторым номером. Он бросает взгляд на часы, потом на меня — короткий кивок. Всё чисто.

Но я знаю: так бывает перед бурей.

Эта ночь ещё не решила, кого она заберёт.

Я сменяю позицию, медленно ползу к другому краю крыши. Снизу доносится тихий треск рации — короткие слова, обрывки команд. Наш командир внизу, в тени дверного проёма, сверяется с картой и кивает сам себе, как будто уже знает, что будет через пять минут.

По плану — тихо, без шума. Если получится. Если нет — придётся шуметь так, что проснётся весь квартал.

Внутри меня всё спокойно, но это то самое спокойствие, за которым всегда прячется сталь. Я делал это десятки раз. И каждый раз внутри было одинаково — будто кто-то выключал лишние чувства, оставляя только холодный расчёт.

С крыши вижу, как двое наших крадутся к соседнему дому. Один идёт пригнувшись, второй прикрывает. За углом они замирают, и я ловлю их силуэты в прицеле — привычка, даже когда свои.

Командир подаёт знак рукой. Движение — и я уже спускаюсь вниз по обвалившейся лестнице. Запах пыли забивается в нос, шершавый бетон цепляет ладони.

Мы собираемся у входа. Дверь — старая, металлическая, с вмятинами от пуль.

— По местам, — тихо говорит командир.

Щёлкает предохранитель. Сердце бьётся ровно.

Секунда тишины. Потом мы входим.

Дверь открыли тихо, но воздух внутри уже был другим — спертым, с примесью дешёвого табака и чего-то кислого. Коридор узкий, стены облезлые, на полу валяются обрывки газет.

Я иду первым. Левое плечо ближе к стене, ствол направлен вперёд. Каждый шаг — отмеренный.

Первый поворот. Из комнаты доносится тихий скрип — будто кто-то пошевелился на кровати. Я делаю знак. Второй номер замер, прикрывает.

Выхожу резким шагом в проём. Двое. Один ещё не успел подняться с матраса. Второй тянется к чему-то под подушкой.

Прицелился — выстрел в голову первому, короткий хлопок, тень падает назад. Второму — два в грудь, чуть ниже ключиц. Он сгибается, и я добиваю третьим выстрелом в голову, прежде чем тело успеваеет коснуться пола.

Тишина. Только тяжёлое дыхание моё и шорох шагов товарищей в соседней комнате.

Проверяю углы, прохожу дальше. Всё по отработанному: контроль, движение, следующий сектор.

Это не эмоция, не злость. Просто работа.

Слева слышу два выстрела — короткая очередь нашего пулемётчика. Рация шипит, потом голос:

— Верх чист.

Я двигаюсь дальше по коридору. Ещё одна дверь приоткрыта. Толкаю её носком ботинка — внутри пусто, только рюкзак и полупустая канистра с водой.

На втором этаже мы собираемся в углу у лестницы. Все целы. У одного из наших порез на руке, но он даже не смотрит на него — кровь капает на пол, а он перезаряжает магазин.

Командир поднимает два пальца — сигнал уходить.

Мы спускаемся тем же порядком, как заходили: я прикрываю тыл. На улице воздух кажется чище, чем внутри, хотя он всё тот же горячий и пыльный.

Путь назад пролегает через узкие переулки. Вдали, на другом конце квартала, слышны одиночные выстрелы — кто-то где-то ещё работает этой ночью.

Мы уходим быстро и тихо. За спиной остаётся дом, в котором теперь никого нет.